

выражения верно передают смысл французских выражений, но их меньше, чем французских; кроме того, все они в чём-то отличаются друг от друга, и в процессе перевода какая-то часть информации теряется. Некоторые из вариантов перевода вообще оказываются очень забавны. Например, *être saoul comme un Polonais* в словарях переводится: *пьян как сапожник*, хотя на самом деле французское сравнение означает в переводе: *пьян как поляк*. Думается, что в данном случае указывают иной перевод («пьян как сапожник») по этическим соображениям, заменяя при этом французское выражение более привычным для русского человека [1, 54].

В заключение следует упомянуть о различиях, как количественных, так и семантических, затрудняющих перевод просторечной фразеологии. При переводе текстов, содержащих просторечную лексику, особенно представленную в виде фразеологических выражений, учитывается контекст, авторский стиль в исходном тексте и ряд культурологических факторов.

УДК 81

Хухуни Г.Т., Анурова О.М.Московский государственный
областной университет

ЛЕКСИЧЕСКИЕ МОДЕРНИЗМЫ В ОРИГИНАЛЕ И ПЕРЕВОДЕ*

Аннотация. В статье рассматривается сущность и стилистические функции так называемой «модернизирующей лексики», т.е. единиц, заведомо относящихся к более поздней по отношению к описываемой в тексте эпохе. Материалом для исследования послужили роман английского писателя Роберта Грейвза «Я, Клавдий» и его перевод на русский язык, выполненный Г. Островской. Особое внимание уделяется характеристике исследуемого пласта слов в текстах на ИЯ и ПЯ в плане переводческой адекватности.

Ключевые слова: лексический, модернизированный, перевод, адекватность, анахронизм.

G. Khukhuni, O. Anurova

Moscow State Regional University

MODERNIZED WORDS IN ORIGINAL AND
TRANSLATION

ЛИТЕРАТУРА:

1. Гаврилов Л.А. Стилистика французского языка. – М.: Изд. ВУ, 2004. – 196 с.
2. Гак В.Г., Ганшина К.А. Новый французско-русский словарь. – М.: Русский язык, 1994. – 1194 с.
3. Гринева Е.Ф., Громова Т.Н. Словарь разговорной лексики французского языка. – М.: Русский язык, 1988. – 640 с.
4. Елистратов В.С. Толковый словарь русского сленга. — М.: АСТ-Пресс, 2007. – 672 с.
5. Лингвистический энциклопедический словарь. / Под ред. В.Н. Ярцевой. – М.: Советская энциклопедия, 1999. – 710 с.
6. Назарян А.Г. Фразеология современного французского языка. – М.: Высшая школа, 1987. – 288 с.
7. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. – М.: Азбуковник, 2000. – 944 с.
8. Фревилль Ж. Тяжелый хлеб: роман / Пер. с франц. Я. Лесюка. – М.: Художественная литература, 1957. – 279 с.
9. Dictionnaire du français argotique et populaire. – P.: Larousse, 2006. – 234p.
10. Fréville J. Pain de brique. – P.: Flammarion, 1937. – 248 p.
11. Maupassant G. Bel-Ami. – P.: Le livre de poche, 1999. – 471 p.
12. Simenon G. Les vacances de Maigret. – P.: Presses de la Cité, 1948. – 187 p.

Abstract. The present paper deals with the problem of the stylistic functions of the so-called “modernized words”. This term designates lexical units, belonging to the later period, then one, described in the given text. The novel of Robert Graves “I, Claudius” and its Russian translation by G. Ostrovskaya is analyzed from this point of view. The special attention is paid to the problem of the adequacy of this word-class in source and target languages.

Key words: lexical, modernized, translation, adequacy, anachronism.

Выдающийся русский историк В.О. Ключевский как-то заметил: «Прошедшее лежит перед нами раскрытой книгой. Нехорошо не уметь читать в ней; ещё хуже уметь читать, чего в ней не написано. Но очень естественно, что каждая эпоха, не умея прочитать её вполне, читает свою главу, или лучше редакцию её содержания...» [5, 32].

* © Хухуни Г.Т., Анурова О.М.

При этом, естественно, характер подобного «чтения» весьма сильно менялся. После отделения истории от художественной литературы в трудах, претендовавших на принадлежность к научной историографии, подобного рода «осовременивание» прошлого стало принимать более завуалированный характер (хотя, как хорошо известно, никакой историк, обращаясь к «делам давно минувших дней», не был свободен от той эпохи, когда жил и творил сам). Писатель же в этом отношении чувствовал и чувствует себя гораздо более свободным. Даже ограничиваясь только рамками литературы прошедшего XX столетия, можно найти немало произведений, где повествование о той или иной эпохе (будь то далёкий Древний Египет, или относительно недавняя, по историческим меркам, Французская революция) служит, в первую очередь, средством высказаться о злободневных проблемах.

Характерны в этом отношении слова Бернарда Шоу из его «исторической» (точнее, квазиисторической) пьесы «Цезарь и Клеопатра», явно относящиеся к английской колониальной политике, которые иронически вложены в уста древнеегипетского бога Ра: «Узнайте же, что подобно тому, как ныне у вас существует старая Англия и новая Англия и вы растерянно топчетесь между той и другой, так некогда, в те дни, когда люди поклонялись мне, существовал старый Рим и новый Рим, и между этими двумя Римами растерянно топтались люди... ибо Помпей отправился туда, куда и вы пошли ныне, – в Египет, где стояла римская армия, подобно тому, как ныне там стоит британская армия» [10, 84, 86].

Кстати, можно вспомнить, что подобное «осовременивание прошлого» – причём нередко в агитационно-политических целях – было распространено и в самом Древнем Риме. В своё время на указанное явление обратил внимание выдающийся французский историк античности Гастон Буасье, характеризуя оппозиционные круги в императорском Риме: «Когда недовольные не решались нападать открыто..., тогда они выбирали... окольный путь. В старых и новых произведениях они выискивали сходства с современностью; они указывали их друг другу и, аплодируя им, ещё более подчёркивали их» [1, 74-75].

С другой стороны, несомненная обращённость к современности может иметь место при достаточно старательно выписанном историческом фоне, когда «модернизация» носит более глубокий характер, сочетаясь с тщательным воссозданием того, что можно назвать «колоритом эпохи».

Здесь, естественно, уместно вспомнить знаменитый роман Умберто Эко «Имя розы», ставший одним из наиболее заметных событий в европейской литературе последней четверти XX в., о котором большинство писавших отозвалось следующим образом: «Бесспорно, автор использует все культурные реалии эпохи (с избытком деталей и эрудиции), соблюдая величайшую историческую точность. Но всё это – ради вопросов, сохраняющих высокую значимость сегодня, как и вчера» [7, 6].

Конечно, вышедший в середине тридцатых годов прошлого века роман английского писателя Роберта Грейвза «Я, Клавдий» вряд ли можно сопоставить с опубликованным сорок пять лет спустя творением итальянского автора. Однако и в данном случае перед нами произведение на историческую тему (античный Рим первых лет нашей эры). Использован и схожий художественный приём: У. Эко приписывает (разумеется, иронически) своё творение некоему монаху Адсону, создавшему его на средневековой латыни; Р. Грейвз – римскому императору Клавдию, якобы написавшему его по-гречески. Таким образом, если принять предложенную авторами игру, оба они выступают в роли своеобразных «диахронических переводчиков», доносящих текст многовековой давности, созданный на «мёртвом» языке, до современного читателя.

Как известно, среди переводчиков XX в., работавших над межъязыковой передачей отнюдь не вымышленных, а вполне реальных древних памятников, было немало сторонников так называемой «переводческой модернизации». Последняя, по замечанию В.Н. Комиссарова, достигается, в первую очередь, «использованием слов и высказываний, характерных для более позднего или современного периодов. Порой подобная модернизация придаёт повествованию юмористический характер... подобное «обновление» оригинала, конечно, не является переводом, хотя нередко осуществляется переводчиком» [6, 149].

Кстати говоря, в какой-то степени сам Р. Грейвз использовал элементы аналогичного подхода в своих переводах античной и восточной классики, что порой вызывало довольно резкие критические замечания. Характерно, что М. Грант, издатель принадлежащего писателю перевода «Жизни двенадцати цезарей» римского историка Светония, несмотря на весьма положительное отношение к версии Грейвза, счёл, тем не менее, необходимым несколько переработать её, приблизив к тому, что «читатели ныне связывают с понятием “перевод”» [11, IX].

Аналогичный приём был использован писателем и в рассматриваемом романе-«псевдопереводе» «Я, Клавдий», причём применение подобного рода анахронизмов осуществляется уже – приносим извинение за невольный каламбур – в отношении самой хронологии. Указанный момент подчёркивает и сам автор: “The marginal dates have for convenience been given according to Christian reckoning” [12, 7].

Естественно, процитированный пассаж можно найти и в русском переводе Г. Островской: «Даты на полях для удобства даны в современном летоисчислении...» [3, 9]. Однако в данном случае мы сталкиваемся с характерной заменой, продиктованной более привычной отечественному читателю традицией: ‘*Christian reckoning*’ передано через «современное летоисчисление» и, соответственно, обозначение *B.C.* – как *н.э.* Подобная переводческая трансформация представляется вполне целесообразной. Действительно, словосочетания «христианская эра» и «до Р.Х.» (т. е. до Рождества Христова), в принципе, допустимы в русском тексте и, скажем, ещё в начале XX столетия применялись достаточно широко. Однако сейчас они неизбежно производят на большинство современных читателей впечатление чего-то либо нереалистического, либо нарочито религиозно-архаичного (т. е. находились бы в явном противоречии с авторской стилистикой).

В другом случае произошло то, что можно было бы, несколько условно, назвать «усилением чуждости». Отмечая, что в некоторых случаях «было трудно найти «соответствующий аналог военных, юридических и других терминов» [3, 10], Р. Грейвз обосновывает возможность применения для обозначения метательного оружия древних германцев (*framea*|*pfreim*) заимствованного из зулусского языка слова *assegai* следующим образом: “I needed “javelin” for “pilum”, the regular missile weapon of the disciplined Roman infantryman; and “assegai” is more savage-sounding. “Assegai” has had a 300-year currency in English and acquired new vigour in the nineteenth century because of the Zulu wars. ... *framea* was used... both as a missile and as a stabbing weapon. So was the *assegai* of the Ama-Zulu warriors, with whom the Germans of Claudius’s day had culturally much in common” [12, 7].

Таким образом, в данном случае можно говорить – используя определение С. Влахова и С. Флорина – о намеренном введении автором в исходный текст (напомним, созданный в жанре квазиперевода) «аналоцизмов и анахронизмов, реалий, не совместимых с местом и временем

действия оригинального произведения» [2, 130]. Внешне аналогичным образом обстоит дело и в русском переводе: «... “дротик” был нужен мне для перевода слова *pilum* – обычное метательное оружие регулярной римской пехоты, - а «ассагай» звучит более устрашающе и более подходит для оружия дикарей. Слово это у нас в ходу вот уже триста лет, а в девятнадцатом веке благодаря войне с зулусами стало ещё употребительнее. *Framea*... использовались... и как метательное, и как колющее оружие. Точно таким же образом применяли ассагай зулусские воины, с которыми у германцев времён Клавдия было много общего в материальной культуре» [3, 10].

При несомненной эквивалентности процитированного фрагмента подлиннику, нельзя не отметить, что по-русски «чуждость» использованной реалии ощущается гораздо сильнее. Р. Грейвз, как мы видели выше, мотивировал её применение, в первую очередь, именно *привычностью* для британской аудитории. По отношению же к читателю отечественному утверждение, что названная лексема «у нас в ходу вот уже триста лет», выглядит несколько своеобразно, и вряд ли зулусский «ассагай» звучит *для нас* более знакомо, чем римский «пилум»...

Если попытаться несколько подробнее рассмотреть некоторые случаи применения в рассматриваемом произведении модернизирующей лексики (анахронизмов и аналоцизмов, по упомянутой выше терминологии), то, – естественно, не претендуя на полный и исчерпывающий характер приводимых ниже наблюдений, – можно отметить следующее.

Сам автор обращает внимание, прежде всего, на географические названия и имена собственные: “For convenience... the most familiar geographical names have been used: thus ‘France’, not ‘Transalpine Gaul’, because France covers roughly the same territorial area ... Similarly the most familiar forms of proper names have been used: ‘Livy’ for Titus Livius, ‘Cymbeline’ for Cunobelinus, ‘Mark Antony’ for Marcus Antonius” [12, 7].

Аналогично обстоит дело и в русской версии: «... Для удобства ... приводятся общепринятые сейчас географические названия; отсюда – Франция вместо Трансальпийской Галлии, так как Франция занимает приблизительно ту же территорию... Подобным образом в книге использовались наиболее привычные формы имён собственных – Ливий для Titus Livius, Кинобелин для Cunobelinus, Марк Антоний для Marcus Antonius» [3, 9-10].

И в данном случае процитированный отрывок передан на русский язык абсолютно правильно, хотя опять-таки можно обратить внимание на два момента. Во-первых, наличие в переводе на язык, пользующийся кириллицей, вкрапления латиницей придаёт ему характер большей экзотичности//варваризации, чем это имеет место в оригинале. Во-вторых, в современной русской традиции приведённые имена собственные по-другому, как правило, вообще не передаются, что делает оговорку «наиболее привычные формы», с точки зрения читателя перевода, не вполне точной (скорее, здесь можно было бы говорить о *принятых* формах).

При рассмотрении «собственно реалий» (при всей условности подобного обозначения) обращает на себя внимание тот факт, что, по-видимому, наиболее последовательно (и наиболее заметно) «осовременивание» римской действительности наблюдается в области военной терминологии. Кстати, весьма показательна, что совершенно аналогичную картину можно наблюдать и в другом известном произведении европейской литературы на «древнеримскую» тематику, которое создавалось приблизительно в эти же годы, – «Иудейской войне» Лиона Фейхтвангера. У последнего мы находим «фельдмаршалов», «полковников», «адъютантов», «фельдфебелей» и т. п. В романе Р. Грейвза при описании римского войска для обозначения легионов, центурий, когорт, манипул и т. д. мы встречаем такие лексемы, как *regiment* (этим словом обозначается легион, представлявший собой наиболее крупное подразделение римской армии и насчитывавший от 4200 до 6000 человек), *battalion* (чаще всего – в значении римской когорты), а те, кто ими командовал, получают такие присущие армиям нового времени звания, как *general*, *colonel*, *captain*, *sergeant*, *staff-officer* и др. Указанная особенность, естественно, сохраняется и в русском переводе, где представлены соответствующие единицы отечественной военной терминологии: *полк*, *батальон*, *генерал*, *полковник*, *сержант*, *штабной офицер* (*штаб-офицер*) и др. Впрочем, английское *captain* (у Грейвза оно соответствует обычно римскому центуриону) в приведённом ниже фрагменте передано по-русски через *ротный* или *ротный командир*. Указанное «отступление» объясняется несколько различающейся семантикой данного слова в ИЯ и ПЯ. В русском применительно к сухопутным войскам оно представляет собой именно *воинское звание*, тогда как в английском, согласно «Большому англо-

русскому словарю» И.Р. Гальперина, оно может использоваться и в более широком значении: начальника или старшего. Поэтому передача предложения “...Tiberius had considered it necessary to tighten up discipline, choosing martinets for his captains...” [12, 172] – как «Тибериус счёл необходимым ужесточить дисциплину, назначив ротными командирами грубых старых слугак...» [3, 254] – представляется вполне оправданной: «назначил капитанами» в данном случае выглядело бы с точки зрения русского языка как явное нарушение семантической сочетаемости. Однако при отсутствии указанного ограничения данная лексема используется и русским переводчиком: “Tiberius seized the vine branch from the captain and thrashed her above body and head until she was insensible” [12, 303] – «Тибериус выхватил у капитана виноградную лозу и хлестал Агриппину до тех пор, пока она не лишилась чувств» [3, 445].

Аналогичным образом в ряде случаев обстоит дело и при наименовании тех или иных профессий. Так, например, в тексте имеется следующее предложение: “Perhaps we shall make her the patron goddess of clerks and accountants...” [12, 335], т. е. использованы привычные для англоязычной аудитории наименования. Сохраняя модернизирующую тенденцию, Г. Островская воспроизвела его следующим образом: «Возможно, я сделаю её покровительницей счетоводов и бухгалтеров...» [3, 492].

С другой стороны, в романе Грейвза наблюдаются и несколько иные случаи. Так, например, говоря о пребывании будущего императора Тибериуса в своего рода почётной ссылке на греческом острове Родос, автор пишет: “He spent much of his time in friendly disputation with the professors of the university” [12, 77 (курсив наш – Г.Х., О.А.)].

Лексема *professor* зафиксирована в наиболее полном латинско-русском словаре И.Х. Дворецкого в значении «преподаватель, учитель» [4, 816], т. е. применительно к английскому тексту в данном случае вообще вряд ли можно говорить об анахронизации или модернизации в собственном смысле слова. Однако, по отношению ко второму выделенному нами слову, ситуация уже иная: хотя само слово *universitas* словарь И.Х. Дворецкого фиксирует, но со значением «целость, совокупность», для более поздней эпохи – «объединение (людей), коллектив, корпорация» [4, 1047] (как известно, возникновение университетов как высших учебных заведений относится уже к средневековой эпохе). Само слово *professor* в русском языке (в отличие от ряда других

языков) имеет более узкую семантику, обозначая именно преподавателя вуза, имеющего высшую квалификацию. Вероятно, учитывая указанные моменты, Г. Островская предпочла в данном случае нейтрализацию анахронизмов: «Не один час у Тиберия уходил на дружеские диспуты с членами тамошних философских школ» [3, 114].

Особый интерес при рассмотрении интересующей нас проблемы представляют так называемые «бытовые реалии». Во-первых, именно они, в первую очередь, характеризуют жизнь героев произведения, отражая любую историческую эпоху. Во-вторых, именно в силу своего «фонového» характера – в качестве деталей обстановки, среди которой развёртывается действие, – подобные единицы во многом определяют лексико-стилистическую характеристику анализируемого текста.

Отметим, что в некоторых случаях, когда «модернизм» Р. Грейвза представлялся слишком противоречащим описываемой эпохе, издатели русской версии сочли необходимым оговорить указанный момент в примечаниях (последние составлены И. Левинской и в целом, несомненно, оказывают большую помощь отечественному читателю при знакомстве с романом). Приведём в этой связи следующий пример: “...I have already filled more than thirteen rolls of the best paper – from the new paper-making factory I have recently equipped – and not reached a third of the way through it” [12, 164].

В соответствии с оригиналом в русском тексте находим: «...Я заполнил более тринадцати свитков самой лучшей бумаги – с новой бумажной фабрики, где я совсем недавно поставил новое оборудование – а одолел лишь треть моей истории» [3, 242]. В примечании же оговаривается: «Бумага появилась в I в. н. э. в Китае, в Европе становится известной только в Средневековье. Римляне пользовались папирусом и пергаментом» [3, 598].

Обратимся теперь ещё к одному фрагменту анализируемого текста: “He no longer look any care of his physical condition or even of his personal appearance, rarely shaving, and going about in dressing-gown and slippers” [12, 80]. В русской версии данное предложение воспроизведено без каких-либо отклонений от подлинника: «Он перестал заботиться о здоровье и даже о внешнем виде, редко брился и ходил в шлёпанцах и халате» [3, 117].

Как известно, собственно халат, являвшийся традиционным одеянием восточных народов,

стал использоваться в Европе в качестве домашней одежды приблизительно с XVII столетия. Обычной же домашней одеждой римлян были туника (у греков, чью одежду находившийся на Родосе Тиберий также мог надевать, – хитон) и сандалии. Отметим, что в переводе «модернизирующий» характер в данном случае ощущается несколько в большей степени, поскольку может вызвать у русского читателя образ отставного обитателя дворянской усадьбы XVIII-XIX вв., многократно описанного в отечественной классической литературе.

Представляется целесообразным остановиться ещё на одном моменте, связанном с тем, что можно назвать «этикетными формулами». Как известно, при обращении к римскому сенату (номинально считавшемуся высшим органом государственной власти и в императорскую эпоху) использовалось обращение *patres conscripti* (дословно – «избранные отцы»). Р. Грейвз последовательно применяет традиционное для английского словосочетание «*My Lords!*». В русском же переводе оно передаётся либо через «Сиятельные отцы!» [3, 384], либо – «Господа сенат!» [3, 378]. Если первое, в общем, носит, на наш взгляд, относительно нейтральный характер, то второе в определённой степени приводит к некоторому смещению колорита, ассоциируясь, скорее, опять-таки с нормами русского XVIII в.

Отметим ещё два случая, когда в русском переводе анахронизмы появляются в качестве компонентов фразеологических единиц, отсутствующих в исходном тексте. Так, имеющаяся в оригинале реплика одного из персонажей: “Here are ten gold pieces of my own and I am glad to pay them” [12, 102] – передана по-русски следующим образом: «Вот тебе десять золотых из моего кармана, я рад их отдать» [3, 151]. Между тем, как специально отмечалось в русско-латинском словаре В. Мусселиуса, римляне вообще «не имели карманов, а, что надо было, клали в складку, которую тога образовывала на груди» [8, 143]. Аналогичный случай – характеристика супруги императора Августа Ливии: “No, Livia was a clever and capable woman – a female Ulisses...” [3, 335], – в переводе предложен вариант: «Нет, Ливия была по-своему умная и ловкая женщина – Улисс в юбке...» [3, 493]. Как хорошо известно, юбка как таковая не входила в гардероб римской женщины: «Одежда женщин... состояла: из тоги, которая впоследствии была вытеснена *столой*, верхней туникой, доходившей до ног, имевшей сзади шлейф. Стола была почётной одеждой мат-

рон [т. е. именно её и должна была носить Ливия – Г.Х., О.А.]. Поверх неё, выходя из дома, женщины надевали *паллу*, плащ вроде мужской тоги (впоследствии – *лацерна* или *пенула*)» [9, 311-312].

Определённую модернизацию можно отметить у Р. Грейвза и при воспроизведении обращений к адресату в частных письмах. Последние в Риме составлялись обычно следующим образом: «В начале письма ставилось имя пишущего, затем имя получателя (в дательном падеже)... часто с прибавлением пожелания или поклоном... В конце письма стояло *salve* или *vale* (будь здоров!), часто также месяц и число с названием места, но подписи не было» [9, 322]. Императорская же чета в романе составляет свои послания в соответствии с нормами английского эпистолярного жанра: начиная с обращения: “My dear Livia\My dear Augustus”, – и с соответствующими подписями в конце: “Livia\Augustus” [12, 114-118]. Соответственно, в русской версии: «Дорогая Ливия!//Дорогой Август!», – и подписи: «Ливия//Август» [3, 171-175].

Подводя итог нашему исследованию, можно констатировать, что в целом языковые средства оригинала, создающие эффект стилистической модернизации, отражены в русском переводе достаточно адекватно. Вместе с тем, как отме-

чалось выше, в отдельных случаях перевод характеризуется большей степенью модернизации, что объясняется различной окраской в ИЯ и ПЯ некоторых лексических единиц, признаваемых в собственно лингвистическом плане эквивалентными.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Буасье Г. Собрание сочинений. В 10 т. Т. 2. Оппозиция при цезарях. – СПб: Иванов и Лещинский, 1993. – 368 с.
2. Влахов С., Флорин С. Непереваемое в переводе. – М.: Высшая школа, 1986. – 416 с.
3. Грейвз Р. Я, Клавдий: роман. / Пер. с англ. Г. Островской. – М.: Эксмо; СПб.: Домино, 2010. – 608 с.
4. Дворецкий И.Х. Латинско-русский словарь. – М.: Русский язык, 1976. – 1096 с.
5. Ключевский В.О. Лекции по русской истории, читанные на Высших женских курсах в Москве в 1872-1875 гг. – М.: Гуманит. изд. центр ВЛАДОС, 1997. – 816 с.
6. Комиссаров В.Н. Современное переводоведение. Курс лекций. – М.: ЭТС, 2000. – 192 с.
7. Костюкович Е.А. От переводчика // Эко У. Имя розы. – М.: Кн. Палата, 1989. – С. 5-6.
8. Мусселиус В. Русско-латинский словарь. – СПб.: Издание К.Л. Риккерта, 1891. – 424 с.
9. Римские древности. Краткий очерк / Под ред. И.В. Алферовой. – Смоленск: Русич, 2000. – 384 с.
10. Шоу Б. Пьесы. – М.: Правда, 1985. – 352 с.
11. Grant M. Introduction \ Svetonius. The Twelve Caesars. – London: Penguin books, 2003. – XX. – 365 p.
12. Graves R. I, Claudius. – London: Vintage, 1999. – 400 p.

УДК 811.161.1/351.32/22

Ханбалаева С.Н.

Московский институт
экономических преобразований

СРАВНЕНИЕ КАК СЕМАНТИЧЕСКАЯ СФЕРА ОБУСЛОВЛЕННОСТИ (на материале русского, лезгинского и аварского языков)*

Аннотация. В статье говорится о том, что в конструкциях со сравнительными отношениями способ осуществления действия основного предиката обусловлен характером осуществления зависимой ситуации, поэтому не видим препятствий для отнесения этого значения к комплексу таксисных значений обусловленности.

Ключевые слова: таксисные отношения, обусловленность, сравнительные отношения, конверб.

S. Khanbalaeva

Moscow Institute of Economic Transformations
COMPARISON AS THE SEMANTIC SPHERE
OF STIPULATION (ON THE MATERIAL OF THE
RUSSIAN, LEZGIN AND AVAR LANGUAGES)

Abstract. The idea of the article is that in the constructions with comparative relations the way of action realization of the main clause is stipulated by the character of its implementation of the subordinate clause. So we do not see any obstacles to refer it to the complex of stipulation taxis meanings.

Key words: taxis relations, stipulation, comparative relations, converb.

* © Ханбалаева С.Н.